

Неопределенная величина N

Трагическая совместимость безумного и гениального - нет нужды напоминать, как эта тема путешествовала по истории искусства, как романтики сделали ее каноном девятнадцатого века, а их преемники - общим местом двадцатого.

Эта тема, как никакая другая, запрещает с собой играть. Достаточно и привкуса легкомысленности, литературной позы или просто банальности, чтобы напрочь лишит ее трагического пафоса и сделать развлечением для просвещенных обывателей. Образованная черня обожала и обожает истории о том, как Ван Гог отрезал себе ухо, а Хлебников укусил чекиста.

Есть разговоры, которые могут быть либо мучительны, либо никчемны. Спектакль «N (Нижинский)», где такой разговор затян, существует словно в зазоре между этими «либо - либо». Величина неопределенная: название оказалось предсказанием.

Задумываясь этот разговор не в угоду обывателю. Иное дело, что сенсационность этой премьеры обернулась беззащитностью. В зале на Пречистенке художественно настроенный боивач чувствует себя превосходно, как анианс в шампанском (единственное неудобство - сидеть тесно, а так все свое и все свои).

Проше всего пожать плечами: еще одна триумфальная профанация. Еще один праздник для г-на Журдена: вот ведь какое элитарное искусство, а ему все так понятно и нескупо! Труднее понять внутреннюю боль и недовольность этой премьеры, не списывая все на тяготы предистории: переносы сроков, перемены площадок, неуверенность продюсеров. Это важно двобок потому, что естественная любовь к заграничному делу, своего рода родительский инстинкт диктует участникам несколько инициативную веру в то, что они добивались именно такого успеха, какой получили. Хотели сенсацию - сделали. Критики могут умыться, а драматург, актеры, художник - торжествовать победу.

Я пропустил слово «режиссер» по той простой причине, что у спектакля «Нижинский» - уникальный случай в современном театре! - такового нет вовсе. Но, может быть, и не надо, ведь театр, как известно, это: выходят два актера, расстилают коврик...

Вместо коврика - бутафорские колонны, расписанные очень искусно (в первые минуты я искренне принимал надутый воздушный пластик - фирменный материал Павла Каллевица - за мрамор). Актеры же замечательные: Олег Меньшиков и Александр Феклистов. Придумать «второй состав», потенциально равный этому, было бы трудно.

Стоит вспомнить, что каждый из них сыграл свою историю о гибели гордого ума: Феклистов - в дермономском «Маскарале», Меньшиков - в «Калигуле» Альбера Камю. Романтическое мифу о «вещем безумии» в этих богатых, пластичных, дивных работах места не было. Скорее уж сумасшествие понималось как расплата за неверность себе и жестокость с другими.

Сложная задача, как правило, легко уточняется, обрастает выразительными подробностями почти что сама по себе. Меньшиков и Феклистов - актеры очень чуткие и в высшей мере наделенные талантом тонкого штриха - «всесильный бог деталей» их любят. Они почти все придумывают сами: режиссеру надо лишь соорганизовать находки, выстроить иерархию значений.

В «Нижинском» ее некому было выстроить. Иван Поповский ушел из проекта агитства «Богиня» вскоре после начала репетиций - без ссоры, без обид: просто не совпали планы на будущее. Попытки пригласить другого постановщика делались, об их неуспехе свидетельствует немота программы. Оставалось надеяться на авторский текст и актерское чутье.

О драматургическом дебюте Алексея Бурьякина (в недавнем прошлом - тоже актера) можно судить всяко, но самоизбранной «го-песю» не назовешь. В ней, на слух судя, есть межличностные и вынужденные повороты диалогов, интересные изломы сюжета, эффектные репризы - непрочты как раз соединительные ткани. При отсутствии фабулы в традиционном смысле слова текст «N» производит впечатление плохо сконструированной «хорошо сделанной пьесы» на документальной основе. С дневниками Вацлава Нижинского Бурьякин работает грамотно и умело, но кажется, что он со всем лирическим пылом принял на веру то единственное, чему верить было нельзя, стыдно, грешно, - ту подпись, которую великий танцовщик, обреченно борющийся с душевной болезнью, ставил под своими записями часто: «Бог и Нижинский».

Внукая в пьесу ощущение мучительной нестройности, провалов мысли, убитственно растущей немоты, Бурьякин все-таки относится к беде Нижинского как к последнему проявлению его гениальности. В отчаянной патетике дневниковых записей, в бредовых сочетаниях самых значимых, самых емких слов - любовь, плоть, смерть, бесконечность, дух, Бог - драматург старается найти нечто соприродное ташу Нижинского, некую истину, здравомыслию недоступную. «Да, но безумье твое было безумье священное, Мир для тебя превратился в тюрьму...» (Бальмонт).

Во-первых, «безумье священное» применительно к художнику - не к хордовику, не к пророку - это чаще всего неправда. Во-вторых, это неправда пошлая, сильно потасканная.

Сострадание и естественный пиетет перед гением мешают сказать напрямую, что дневники несчастного, большого человека, на которых строится пьеса, - довольно обыкновенная шизофреническая графомания. Но можно вспомнить остроумное определение «Графоман - это гений, лишенный таланта». Уникальный талант оставил Нижинского вместе с душевным здоровьем.

Гаснущая мысль требует не истолкования, а жалости. Идет процесс разложения и тоскливая борьба с ним, бедный может истрять последние слова, в которых еще узнает тень смысла, возвращает себе на кратчайшее время подобие связи и силы, снова сползает в маразм - для эпиталамы вдохновенному безумию выбрана явно неудачная тема. И, кажется, не вовремя выбрана.

Кому-кому, а нам трудно не понимать, как живые слова превращаются в воспаленный мороз, бессильный и надсадный. Трудно не видеть, как вдохновение и здравый смысл оставляют людей, еще недавно казавшихся - нет, впрямую бывших - лучшими, самыми крепкими и одаренными. Даже странно, что об этом приходится говорить сейчас, когда разрушению смысла, болезненности распада пронизана повседневность.

Дело не в том, насколько удачно написана пьеса, а в том, что ей нельзя доверять. Это особенно ясно, когда Нижинский - Меньшиков начинает говорить стихами. Поэзия - высшее творческое напряжение речи, и если она впадает в клише, значит, что-то не так со смыслами. Гибкий и переливчатый голос Меньшикова может сделать поэтические клише обаятельными, но не содержательными. Актер пытается лирическим усилием преодолеть немоту штампов; возможно, ее можно было бы отыграть, обманить, осознать как диагноз: разрушение индивидуальности.

Несовершенство пьесы могли бы стать достоинствами спектакля. Пагетическое выговаривание банального могло быть понято как знак блезни: то разручение таланта, о котором драма «Нижинский» говорить не хочет, но которое и есть - драма, мука, болезнь Вацлава Нижинского. Впрочем, почему «могло быть» - отчасти стало.

Замечательный дуэт Феклистов и Меньшикова играет почти вслепую. Но артистам Меньшикова и Феклистова трудолюбив - сколько по сюжету, они ищут, за что зацепиться: нахальст реже, чем хотят. Не то чтобы блеснуть нечем - блещут они сами собою. Они используют свое умение, словно демонстрируя друг другу и зрителю коллекцию наработано. Они не пытаются друг за друга, разрабатывая в партнерстве новые, более сложные вариации. И главное - они ищут сами игры за пределами пьесы.

Сюжетом игры подспудно становится именно распад разума и таланта, его ползавший глук, никуда прорывающийся наружу и мучительно уловяемый. Актерский инструмент Меньшикова и Феклистова великолепен настроен, звучен и отзывчив - на что иное они могли бы отозваться? Вопросительным знаком и надо закичивать эту статью. Судьба спектакля - в его собственной воле. Воля может оказаться недостаточно сильной и отчетливой. Может и просто отсохнуть: что там, от добра добра не ищут.

Но может быть, в воле этого спектакля - себя додумать и доволплотить, закрепить за смутными, полупрозрачными вариациями статус контрапункта - шума времени и боли. Тогда «Нижинский» будет куда тяжелее играть и, наверное, смотреть - но весомому приличествует тяжесть. Этот спектакль - уже сенсация. Остается выбор цели: быть «чуждом иллюзионной техникой» или просто чудом.

Выбрать цель - еще не значит в нее попасть, но нельзя же долго жить в неопределенных величинах. Когда мы не отваживаемся на выбор, он все равно совершается над нами: чаще всего худший из возможных.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ